

МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ “АНТИЧНЫЕ ВРАЧИ О ПЬЯНСТВЕ”*

В винодельческих странах, к каким относятся древняя Греция и Рим, вино, как правило, сопровождало человека на протяжении всей его сознательной жизни – а там, где есть алкоголь, неизбежно возникают и связанные с ним проблемы. Античная литература изобилует рассказами о чудесных свойствах вина, исцеляющего физические и душевные недуги, дарящего людям радость и веселье. В то же время при случае древние авторы напоминают и о том, что злоупотребление вином опасно (е. g. Ном. *Od.* XXI, 293). Плиний признается, что очень трудно решить вопрос, приносит ли вино больше пользы или вреда (*NH* XXIII, 31). Даже если пагубная привычка сводит человека в могилу, это не служит решающим доводом в пользу трезвости. Следы двойственного отношения к подобному рода излишествам сохранила, например, эпиграфия Тита Клавдия Секунда, автор которой, хотя и констатирует печальный факт, что вино, наряду с банями и плотскими утехами, наносит телу вред, тут же оговаривается, что именно эти вредные вещи и составляют жизнь (*CLE* 1499):

Balnea vina Venus corrumpunt corpora nostra
sed vitam faciunt b(alnea) v(ina) V(enus).

Как сообщает Филон Александрийский (*De plant.* 173–174), врачи и философы написали тысячи томов о пьянстве (μυρίαξ ... συντάξεις περὶ μέθης); какие именно сочинения он имел в виду, неизвестно. Сам Филон написал дошедший до нас обширный труд “О пьянстве” (*De ebrietate*). Целиком посвящена винопитию и его последствиям третья книга сочинения *Problemata Physica*, которое в древности приписывалось Аристотелю. Его же называют автором специального сочинения о пьянстве (fr. 99–111 Rose³ = fr. 666–677 Gigon).

Эта тема продолжала интересовать перипатетиков и после Аристотеля. Теофрасту принадлежит обобщающий труд (fr. 569–579 FHS&G),¹ в котором он рассматривает как медицинские аспекты последствий

* Заняться этой темой много лет назад предложил мне именно Александр Константинович Гаврилов. Эти скромные результаты я приношу моему учителю как дань благодарности.

¹ Об этом сочинении см.: O. Regenbogen. Theophrastos // *RE* Suppl. 7 (1940) 1485.

употребления вина, так и культурно-исторический фон формирования питейных привычек. Известны сочинения перипатетиков III в. до н. э. Хамелеона (fr. 9–13 Wehrli) и Иеронима (fr. 25–28 Wehrli) с одинаковым названием “О пьянстве”. Целую книгу о медицинском применении вина (Περὶ οἴνου δόσεως) написал врач I в. до н. э. Асклепиад (Sext. Emp. *Adv. math.* VII, 91; Plin. *NH* XXIII, 31–32; Cael. Aug. *Celer. pass.* II, 158), который за свое пристрастие к винотерапии получил прозвище οἰνοδότης (Anon. Lond. *Iatrica* XXIV, 31 Jones).² По сообщению врача IV в. н. э. Орибазия (*Coll. med.* V, 7 = *CMG* VI, 1, 1, 126, 24–127, 13 Raeder), тему винопития разрабатывал в своем не сохранившемся сочинении “Об образе жизни” врач II в. н. э. Руф из Эфеса; этой теме Руф посвятил и специальный трактат.³ Наконец, Плиний сообщает (*NH* XIV, 148), что Марк Антоний опубликовал книгу о своем собственном пьянстве. Так как эти специальные сочинения не сохранились, большой интерес представляют высказывания античных врачей о винопитии и пьянстве, сделанные ими *ad hoc* и рассеянные по многим произведениям. В настоящей работе, не претендующей на полноту, собраны данные из Гиппократова корпуса, произведений Педания Диоскорида (I в. н. э.), Галена (II в. н. э.), Целия Аврелиана (V в. н. э.; он перевел на латинский язык произведения Сорана из Эфеса, II в. н. э.) и Стефана Афинского (VII в. н. э.).

Не подлежит сомнению, что древние врачи не рассматривали алкоголизм или пьянство как самостоятельную болезнь. В новой научной литературе по истории пьянства в античности, вообще довольно скудной, господствует мнение, что злоупотребление вином в то время было скорее не медицинской, а социальной проблемой, которая сводилась к проблеме моральной неустойчивости пьющего.⁴

² W. H. S. Jones. *The Medical Writings of Anonymus Londinensis* (Amsterdam 1968) 92. Подробнее об Асклепиаде см.: J. Vallance. The Medical System of Asclepiades of Bithynia // *ANRW* II, 37, 1 (1993) 711–727. Современный Асклепиаду врач Менекрыт из Тралл имел такое же прозвище: *Inscriptiones Latinae liberae rei publicae*. Curavit A. Degraffi. II (Firenze 1963) 194. N 799.

³ M. Ullmann. Neues zu den diätetischen Schriften des Rufus von Ephesos // *Medizinhistorisches Journal* 9 (1974) 23–40; Idem. Überlieferung der Schriften des Rufus von Ephesos // *ANRW* II, 37, 2 (1994) 1318–1319; A. Sideras. Rufus von Ephesos und sein Werk // *Ibid.* 1172; 1187–1188.

⁴ J. H. D’Arms. Heavy Drinking and Drunkenness in the Roman World: Four Questions for Historians // O. Murray (ed.). *Symptica. A Symposium on the Symposium* (Oxford 1990) 304–317; J. C. Sournia. L’alcoolisme dans la Grèce antique // *Archéologie et médecine: VII-èmes rencontres internationales d’archéologie et d’histoire d’Antibes*

Пьянство и алкоголизм относятся к числу дискуссионных медико-социальных проблем.⁵ Впервые для обозначения совокупности соматических и психических изменений, происходящих в организме под влиянием злоупотребления спиртными напитками, алкоголизм в качестве самостоятельного заболевания выделил М. Гусс (1849 г.).⁶ В медицинском смысле это заболевание характеризуется зависимостью от алкоголя: сначала возникает психическая зависимость, а по мере развития заболевания формируется и зависимость физическая, т. е. состояние физиологической невозможности обходиться без алкоголя.

Физиологическое действие алкоголя сводится к тому, что, будучи принят внутрь, он переходит в кровь и, распространяясь по организму, быстро поглощается веществом головного мозга. Большая часть поступившего в организм алкоголя сгорает в нем, т. е. превращается в углекислый газ и воду; при этом выделяется значительное количество калорий. Тем не менее алкоголь не рассматривают как пищу, а относят к средствам, имеющим сильное наркотическое действие. Влияние алкоголя сказывается на органах кровообращения, пищеварения и, главным образом, на нервной системе.

В основе алкогольной зависимости лежит клинически сформировавшийся абстинентный (похмельный) синдром. Понятия “похмельный синдром” и “похмелье” неравнозначны. В бытовом смысле понятие “похмелье” означает прием спиртного на следующее утро после выпивки, “чтобы не болела голова”. Опохмеление действительно приносит облегчение, и при этом не возникает желания продолжать пить. У больных с похмельным синдромом как раз наоборот: каждый глоток алкоголя лишь усугубляет влечение к выпивке и не улучшает самочувствия. Алкоголиками сейчас называют тех, “чья зависимость от алкоголя достигла такой степени, что вызвала заметные психические нарушения или повлияла на физическое и психическое здоровье, взаимоотношения с окружающими или на их социально-экономические функции”.⁷ Впрочем, в современной медицинской литературе не существует единого мнения о природе алкоголизма, оспариваются границы этого заболевания и даже его нозологическая самостоятельность.

В античности сформировались воззрения на физиологию действия алкоголя, лишь отчасти совпадающие с современными представлениями

(Juan-les-Pins 1987) 523–530; P. Villard. Eau et ivresses // *BCH Suppl.* 28 (1994) 265–271; J. Jouanna. Le vin et la médecine dans la Grèce ancienne // *RÉG* 109 (1996) 410–434; L. Villard. Le vin et les femmes: un texte méconnu de la Collection Hippocratique // *RÉG* 110 (1997) 362–380; M. Durry. Les femmes et le vin // *RÉL* 33 (1955) 108–113; M. D. Grmek, D. Gourevitch. *Les Maladies dans l'art antique* (Lyon 1999) 114–131, 380–382; I. W. Raymond. *The Teaching of the Early Church on the Use of Wine and Strong Drink* (New York 1927).

⁵ Классической остается работа: E. M. Jellinek. *The Disease Concept of Alcoholism* (New Haven 1960).

⁶ M. Huss. *Alkoholismus chronicus, eller chronisk alkoholsjukdom* 1–2 (Stockholm 1849–1851); нем. пер.: *Chronische Alkoholskrankheit, oder Alkoholismus chronicus* (Stockholm – Leipzig 1852).

⁷ Проблемы алкоголизма и планирование национального здравоохранения в программах Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) // *Хроника ВОЗ* 27 (1973): 8, 389.

ми. Вино – это горячительный напиток (ὕγρὸς καὶ θερμὸς ἐστίν: [Arist.] *Probl.* III, 1, 871 a; 17, 873 b et passim; Gal. *Hipp. aph.* XVII/2, 787 K.), так как все жидкости являются горячими по своей природе ([Arist.] *Probl.* III, 6, 871 b). Пристрастие к вину иногда называли тягой к чему-то жидкому (ἡ δὲ φιλοποσία ἐστὶν ἐπιθυμία ὑγροῦ τινός: [Arist.] *Probl.* III, 7, 872 a). В умеренном количестве вино (ὁ σύμμετρος οἶνος), как жидкая горячая субстанция, усиливает врожденное тепло тела (Gal. *Caus. morb.* VII, 13 K.; ср. Gal. *San. tu.* VI, 54–55 K.) и, как всякая обычная еда, питает организм (Gal. *Alim. fac.* VI, 743–744 K.). Особенностью же вина является то, что оно очень быстро усваивается, поэтому его широко использовали как согревающее лекарственное средство (Gal. *Temp.* I, 658–661 K. = 94, 5–95, 19 Helmreich). Гален, например, одобрял закон Платона (*Leg.* 666 b 2 – с 2), снимающий ограничения на употребление вина после 40 лет: с возрастом у людей убывает естественное тепло, а вино возвращает организму утраченное равновесие тепла и холода, (Gal. *QAM* IV, 810 K. = *Scr. min.* II, 69, 1–18 Mueller).⁸

Вино обладает силой – τὸ ἀπὸ τοῦ οἴνου μένος (*Hipp. Acut.* 63, 2 Joly = II, 362, 2 sqq. L.), которая действует на голову и сознание человека и является, согласно Галену, тем же самым, что ἰσχύς (Gal. *HVA* XV, 701–702 K.). Вино обладает способностью воздействовать на организм – δύνωμις.⁹ Это понятие встречается в 20-й главе трактата “О древней медицине” Гиппократова корпуса,¹⁰ которая справедливо считается одним из наиболее интересных в философском отношении медицинских текстов¹¹ и посвящена дискуссии о том, к какой области

⁸ Впрочем, повседневный опыт позволял сделать и противоположный вывод о природе вина. Плутарх, например, высказывает мнение, что вино по своей природе холодно, основываясь на том известном факте, что люди под действием вина испытывают те же самые ощущения, что и под действием холода: дрожь, тяжесть, бледность, трясение членов, невнятность речи, набухание вен в конечностях и оцепенение (*Quaest. conv.* 652 D). Эпикур объяснил внешне противоречивую природу вина тем, что оно не является всецело горячим (θερμὸν αὐτοτελῶς), но содержит в себе как атомы, производящие тепло, так и атомы, производящие холод (Epic. fr. 60 Us. = Plut. *Quaest. conv.* 652 A).

⁹ О термине δύνωμις у Гиппократов см.: G. Plamböck. *Dynamis im Corpus Hippocraticum // Abh. Mainz* 1964: 2, 63–89.

¹⁰ Наиболее важными рукописями являются **M**, *Marcianus gr.* 269 (X в.) и **A**, *Parisinus gr.* 2253 (XI в.): H. Diels. *Die Handschriften der antiken Ärzte, I. Hippokrates und Galenos // Abh. Berlin* 1905, 4; Hippocrate II, 1. *De l'ancienne médecine, texte ét. et trad. par J. Jouanna* (Paris 1990) 86.

¹¹ Th. Gomperz. *Die hippokratische Frage und der Ausgangspunkt ihrer Lösung // Philologus*, N. F. 24 (1911) 213–241 (= *Hellenika* II [Leipzig 1912] 324–354); H. We-

знания можно отнести медицинское искусство – теоретической или эмпирической.

Автор рассуждает о способах изучения воздействия пищи на человека и приводит для сравнения два высказывания, в которых речь идет о последствиях злоупотребления едой и питьем. По его мнению, “нельзя просто (сказать): ‘Сыр – вреден. Ведь он вредит тому, кто им наполнен’” (μη ἀπλῶς οὕτως “πονηρόν ἐστι βρώμα τυρός· πόνον γὰρ παρέχει τῷ πληρωθέντι αὐτοῦ”), потому что здесь ничего не сказано о том, что это за вред, каким образом сыр действует на человека и на какие органы. Далее автор поясняет: “Ведь вредными являются и другие продукты и напитки в большом количестве,¹² которые действуют на людей различным образом” (ἔστι γὰρ καὶ ἄλλα πολλὰ βρώματα καὶ πόματα πονηρά, ἃ διατίθησι τὸν ἄνθρωπον οὐ τὸν αὐτὸν τρόπον) – и приводит пример корректного высказывания, которое содержит ответ на вопросы, составляющие основу учения о питании:

οἶνος ἄκρητος πολλὸς ποθεὶς διατίθησιν πως τὸν ἄνθρωπον¹³ καὶ ἅπαντες ἂν ἰδόντες¹⁴ τοῦτο γνοίησαν ὅτι αὕτη ἡ δύναμις οἴνου καὶ αὐτὸς αἴτιος· καὶ οἷσιν γε τῶν ἐν τῷ ἀνθρώπῳ τοῦτο δύναται γε μάλιστα οἶδαμεν.

ber. Zu der Schrift *Περὶ ἀρχαίας ἱητρικῆς*, III // *Philologus* 58 (1899) 215–223; M. Pohlenz. Das zwanzigste Kapitel von Hippokrates *De prisca medicina* // *Hermes* 53 (1918) 396–421; W. H. S. Jones. *Philosophy and Medicine in Ancient Greece. With an Edition of Περὶ ἀρχαίας ἱητρικῆς* (Baltimore 1946); H. Diller. Hippokratische Medizin und attische Philosophie // *Hermes* 80 (1952) 385–409 (= *Kleine Schriften zur antiken Medizin* [Berlin 1973] 46–70); S. L. Radt. Zu ΠΕΡΙ ΑΡΧΑΙΗΣ ΙΗΤΡΙΚΗΣ // *Mnem.* 32 (1979) 75–118.

¹² В этом пассаже речь идет о последствиях злоупотребления едой и питьем, поэтому слова ἔστι γὰρ καὶ ἄλλα πολλὰ βρώματα καὶ πόματα πονηρά следует, на наш взгляд, понимать именно в таком значении, а не так, как их обычно переводят: “Ведь существуют и другие многие кушанья и питья, приносящие вред”: Гиппократ. *Сочинения*. Пер. В. И. Руднева (М. 1944) 163; “Il y a en effet beaucoup d’autres aliments et boissons...”: Littré I, 623; “Car il y a bien d’autres nourritures et boissons mauvaises...”: Jouanna 147, 5; “For there are many other bad foods and bad drinks...”: W. H. S. Jones (ed.). *Hippocrates* I (Cambridge, Mass. – London 1923) 55; “Car il y a bien d’autres aliments et boissons nuisibles...”: A.-J. Festugière (éd.). *Hippocrate. L’ancienne médecine* (Paris 1948) 18.

¹³ После ἄνθρωπον в поздних рукописях стоит ἄσθενέα, и это уточняет, конечно, характер состояния человека. Кроме Литтре (Littré I, 622), ни один издатель не следует этому чтению, а Ж. Жуанна (см. прим. 10) даже не учитывает его в своем издании.

¹⁴ εἰδότες Α, ἰδόντες Μ.

Неразбавленное вино, выпитое в большом количестве, каким-то образом воздействует на человека. И всякий, увидев это, распознает, что здесь проявляется свойство вина и что именно оно является причиной; а вот на какие органы оно более всего воздействует, это мы знаем.¹⁵

Сочинение “О древней медицине”, таким образом, дает основание полагать, что у его автора была своя теория о действии вина на организм человека, однако следов этой теории в Корпусе нет.

Повседневный опыт показывал, что вино действует на разных людей по-разному. Автор “Проблем” (III, 16, 873 a) сравнивает его действие с внутренним омовением (ὁ οἶνος, ὥσπερ λούων τὰ ἐντός): вино, как и омовение, делает более подвижными одних и расслабляет других. Сведения о том, каким образом воздействует на организм большое количество вина, можно найти и у Галена. Оба автора единодушны в том, что общим свойством даже самых полезных и питательных видов пищи, в том числе и вина, является то, что злоупотребление (ἄμετρος προσφορά)¹⁶ ими становится причиной “холодных” болезней (Gal. *Caus. morb.* VII, 13 K.). В “Проблемах” автор дает этому явлению такое объяснение: когда вино в избытке попадает в организм, оно смачивает и охлаждает его – ведь жидкость обладает свойством, охлаждаясь, резко охлаждать пропитанную ею субстанцию, подобно тому как это бывает с промокшей одеждой (III, 1, 871 a; 5. 6, 871 b; 23, 874 b). Когда действие вина прекращается, наступает болезненное состояние (τὸ πάθος, XXX, 1, 955 a). Гален дает объяснение, сравнивая действие вина и оливкового масла: масло, хотя и является хорошей пищей для о-

¹⁵ Hipp. *IM XX*, 3 = 147, 7–10 Jouanna. То, что понимание этого пассажа вызывает трудности, отметил Джонс (Jones [см. прим. 12] 64): “Now the reading of A (in fact any MS. reading) makes the writer say that wine itself is to blame (αὐτὸς αἴτιος) – an obvious contradiction of the general argument. My colleague the Rev. H. J. Chaytor most ingeniously suggests that αὐτὸς refers not to wine, but to the man. He would therefore translate “this δύναμις of wine and the man himself are to blame”. But not only is it more natural for αὐτὸς to refer to wine, but the writer’s whole point is that in and by itself no food is αἴτιος. A food is a cause only in certain conditions, or, rather, certain conditions call forth certain δυνάμεις. I think, therefore, that the right reading is ὅτι τοιαύτη δύναμις οἴνου καὶ οὐκ αὐτὸς αἴτιος...” Однако его конъектура неудовлетворительна; см. Plamböck. *Op. cit.*, 86: “Es fehlt sonst die Feststellung, τίνα πόνον der Wein zur Folge hat, außerdem hinge das τοῦτο in der Luft”; ср. Radt. *Op. cit.*, 109 Anm. 42; A.-J. Festugière. *Op. cit.*, 65.

¹⁶ Гален однажды не без иронии прокомментировал слово πολυποσία: “А что слово “перепой” означает обильное питье не воды, а вина, всякому ясно” (ὅτι μὲν ἢ πολυποσία πολλὴν πόσιν οὐχ ὕδατος, ἀλλ’ οἴνου δηλοῖ πρόδηλον παντί, Hipp. *aph.* XVIII/1, 107 K.).

ня, в большом количестве гасит его. Так же и вино в большом количестве не усваивается организмом и порождает болезни от переохлаждения (πάθη ψυχρότερα, Gal. *Temp.* I, 661 K. = 95, 14–16 Helmreich).

Вследствие переохлаждения пьяные дрожат, плохо переносят холод и подвержены плевриту, водянке, ревматизму и болезням желудка ([Arist.] *Probl.* III, 1, 871 a; 5, 871 b). Согласно Галену, следствием умеренного питья вина (ταῖς ἀμέτροις οἴνου πόσεσιν) являются апоплексия, коматозные состояния, паралич, эпилепсия и конвульсии, так как и эти болезни могут быть следствием охлаждения (*Temp.* I, 661 K. = 95, 16–19 Helmreich.). Руф, в передаче Орибазия, сообщает, что пьянство также порождает апоплексический удар, боль в суставах, а также болезни печени, селезенки и головы (Oribas. *Coll. med.* V, 7 = *CMG* VI, 1, 1, 127, 8–11 Raeder). Целий Аврелиан называет пьянство среди причин, вызывающих такие болезни, как паралич и эпилепсию (*Celer. pass.* I, 23), плеврит (II, 87), болезнь сердца (II, 164) или подагру (*Tard. pass.* V, 29).¹⁷

Неумеренное винопитие могло наряду с другими обстоятельствами усугубить или спровоцировать лихорадочное состояние больного, что влекло за собой серьезную болезнь. Гиппократ рассказывает в первой книге “Эпидемий” о человеке, который “пообедал и много выпил, будучи в жару” (ἄνθρωπος θερμαινόμενος ἐδείπνησεν καὶ ἔπιε πλέον I, 3, 13 [12]; II, 710 L.). Такое неосторожное поведение вызвало обострение лихорадки, оказавшейся для него смертельной. В третьей книге “Эпидемий” говорится о Никодеме из Абдер, которого “бросило в жар от попок и плотских излишеств” (ἐξ ἀφροδισίων καὶ ποτῶν πῦρ ἔλαβεν, Hipp. *Epid.* III, 3, 17 [10]; III, 130 L.). Усиливавшаяся день ото дня лихорадка на 6-й день привела к галлюцинациям и болезни всего организма; впрочем, затем больной поправился.

Аристотель называл вино “вызывающим тяжесть в голове” (καρηβαρικός), а пиво “вызывающим сонливость” (καρωτικός). Поэтому пьяный от вина падает ничком, а пьяный от пива – навзничь (Arist. fr. 106 Rose³ = fr. 671. 666 Gigon = Athen. X, 447 a; epit. I, 34 b).¹⁸ У Галена мы встречаем верное, но одиночное наблюдение: во время опья-

¹⁷ Комедиограф Менандр приписывает бражникам даже своего рода гидрофобию, говоря, что те, кто напились вином до изнеможения, вообще не могут пить: *dicens non posse bibere eos, qui vinum usque ad vexationem potant* (Menand. fr. 924 Koerte = Cael. Aur. *Celer. pass.* III, 121).

¹⁸ Ср. русскую пословицу: “не то пьяный, что ничком падает, а то пьяный, что навзничь”.

нения усиливается приток крови к голове, т. е. повышается кровяное давление (*Hipp. aph.* XVIII/1, 107–108 К.). Обычно же в греческой естественнонаучной литературе наступление опьянения объясняется проникновением в голову человека влажных горячих паров (*Gal. QAM* IV, 812 К. = *Scr. min.* II, 71, 6–14 Mueller). Избыток влаги и тепла Гален называет повреждением (ἡ βλάβη), которое поражает не только организм, но и душу и особенно опасно в детском возрасте. Здесь же Гален прямо говорит о том, что по этой причине вино, выпитое без надлежащей меры, не полезно и взрослым людям (οὐδὲ τοῖς ἤδη τελείοις ἀνευ τοῦ προσήκοντος μέτρου πινόμενος οἶνος ἀγαθός, *Gal. San. tu.* VI, 54–55 К.).

Пьяные испытывают тяжесть в голове, отчего их поведение напоминает страдания больных летаргией и френитом. Они находятся как будто в коматозном состоянии, шагаются и не могут поднять веки даже через силу. В то же время тяжесть в голове мешает заснуть: они ворочаются, мечутся, не находя себе места (*Gal. Com. Hipp.* VII, 663–664 К.). Порой пьяные говорят невнятно: это происходит от того, что их мозг чрезмерно пропитался влагой и поэтому отяжелел (*Gal. Hipp. aph.* XVIII/1, 52 К.). Когда у пьяных голова переполнена винными парами, может начаться бред (*Gal. Diff. resp.* VII, 875 К.; *Hipp. aph.* XVIII, 1, 107–108 К.). Уже Гиппократ заметил, что “дрожание и бред от перепоя – это плохой знак” (ἐκ πολυποσίης ῥίγος καὶ παραφροσύνη, κακόν, *Hipp. Aph.* VII, 7; IV, 580 L.). Поэтому вино противопоказано тем, кто страдает от головной боли – голова в таком состоянии и без того горяча, а когда она притягивает к себе вино, боль усиливается (*Hipp. Affect.* 2; VI, 210 L.).

Головная боль считалась главным симптомом похмелья.¹⁹ В лексиконе Гезихия похмелье так и названо “головной болью после вчерашнего пьянства” (κραϊπάλη ἢ ἀπὸ τῆς χθιζῆς μέθης κεφαλαλγία). По

¹⁹ В словаре Аммония сформулировано отличие похмелья от опьянения: “Похмелье и опьянение следует различать. Ведь похмелье – это (последствия) вчерашнего опьянения, а опьянение – это состояние в тот самый день, когда происходит винопитие” (κραϊπάλη καὶ μέθη διαφέρει. κραϊπάλη μὲν γάρ ἐστιν ἡ χθεσινὴ μέθη, μέθη δὲ ἡ τῆς αὐτῆς ἡμέρας γινόμενη οἴνωσις, Ammon. *De adfinium vocabulorum differentia*, 284 Nickau). Автор трактата “Проблемы” характеризует это различие: “Похмелье – это некое бурление (брожение) и загнивающее воспаление. Оно более тягостно, чем опьянение, потому что опьянение выводит из обычного состояния, а похмелье причиняет боль трезвым” (ἔστι γὰρ ἡ κραϊπάλη ζέσις τις καὶ φλεγμασία λήγουσα. λυπεῖ δὲ μᾶλλον τῆς μέθης, ὅτι ἐκείνη μὲν ἐξίστησιν, ἡ δὲ κραϊπάλη ἐν ἑαυτοῖς οὔσι τὸν πόνον παρέχει, III, 17, 873 b).

словам Галена (*Hipp. aph.* XVII/2, 787–788 К.), “хорошо известно, что все греки называют похмельем нарушение (нормальной деятельности) головы вследствие вина” (κραιπάλας δ’ ὅτι πάντες οἱ Ἑλληνες ὀνομάζουσι τὰς ἐξ οἴνου βλάβας τῆς κεφαλῆς εὐδηλον). Причинно-следственная связь пьянства и похмелья была настолько очевидна, что со временем значение слова *κραιπάλη* расширилось и распространилось на пьянство как таковое.

В определении Стефана (*Steph. Hipp. aph.* V, 5 = *CMG* XI, 1, 3, 3, 24, 3–5 *Westerink*) соседствуют оба значения этого слова: “Вообще говоря, похмелье – это пьянство или неумеренное питье вина (*κραιπάλη τοίνυν ἐστὶν ἢ μέθη ἢτοι ἢ ἄμετρος πόσις τοῦ οἴνου*), а если точнее выразиться, это головная боль (*τὸ δὲ ἀληθέστερον εἶπεῖν, διάθεσις ἐστὶν τῆς κεφαλῆς ἢτοι πάθος*). Целий Аврелиан понимал *κραιπάλη* только в значении “частое и неумеренное винопитие”: *vinolentia frequens atque immodica, quam Graeci craepalen*²⁰ *vocant* (*Tard. pass.* I, 147). Данное определение указывает на то, что похмельный синдром в древности рассматривали как показатель привычного пьянства.

Гален (*Hipp. aph.* XVII/2, 789 К.), рассуждая о природе похмелья, отмечает, что время усвоения вина, так же как и пищи, у всех людей различно, поэтому похмелье может продолжаться один день или день и следующую ночь, а иногда может затянуться до третьего дня: продолжительность похмелья зависит от силы и количества выпитого вина, а также от физиологии пьющего (*διὰ τε τὴν δύναμιν καὶ τὸ πλῆθος τοῦ ποθέντος οἴνου καὶ αὐτὴν τοῦ πίνοντος φύσιν*). Стефан (*Hipp. aph.* V, 5 = *CMG* XI, 1, 3, 3, 26, 5–9) называет примерно то же время: три, пять, семь, десять часов, сутки и даже более. Гален (*op. cit.*, 788–789 К.) и Стефан (*op. cit.*, 24, 9–10) дают народную этимологию слова *κραιπάλη* — от выражения “трясти головой” (*ἀπὸ τοῦ κάρηνον πάλλεσθαι*: Гален; *ἐκ τοῦ τὸ κάρα πάλλειν*: Стефан).²¹ Согласно объяснению Стефана (*op. cit.*, 24, 10–11), голова делает пульсирующие движения под действием винных паров.

Античная медицина уделяла внимание способам снятия похмелья. Гиппократ рекомендовал в таких случаях принять бокальчик несме-

²⁰ Привычная латинская форма этого греческого слова – *crapula*, т. е. сильное опьянение.

²¹ В лексиконе Суда (s. v. *κραιπάλη*, κ 2357 *Adler*) определение похмелья (ὁ ἐκ πολλῆς οἰνώσεως παλμός) выводится из этимологии (ἀπὸ τοῦ κάρα πάλλειν τοὺς μεθούοντας) и связывается с трясением от обильной выпивки. Дана и альтернативная этимология (ἀπὸ τοῦ σφάλλεσθαι τῶν καιρίων).

шанного вина (*Epid.* II, 6, 30; V, 138 L.).²² Некоторые врачи советовали выпившему лишнее вызвать рвоту, а перед сном съесть кусок хлеба, обмакнув его в мед (Plut. *Quaest. conv.* 656 B). Обычным народным средством от этого недуга была вареная капуста ([Arist.] *Probl.* III, 17, 873 a–b; Athen. I, 34 c–d = Alexis, *CAF* II, 401; Eub., *CAF* II, 209; Anaxandr., *CAF* II, 160; Amphis, *CAF* II, 247); не лишним считалось иметь при себе аметист, по крайней мере этимология этого слова указывала на отвращение от пьянства.

Пьянство, по мнению Гиппократов, могло превратить головную боль в тяжелое заболевание с летальным исходом. Четвертый случай третьей книги “Эпидемий” таков: “Филист на Фасосе долгое время *страдал головной болью* и наконец, впав в оцепенение, слег; когда же *от выпивок* началась *непрерывная лихорадка (горячка)*, боль усилилась” (Ἐν Θάσῳ, Φιλίστης κεφαλὴν ἐπόνειε χρόνον πούλῦν καὶ ποτε καὶ ὑποκαρωθεὶς, κατεκλίθη ἐκ δὲ πότων πυρετῶν ξυνεχέων γενομένων, ὁ νόσος παρωξύνθη, Hipp. *Epid.* III, 2, 4; III, 44 L.). Ночью у больного был жар, в первый день его рвало, на второй день наступила глухота, острая лихорадка, в середине дня случился приступ бреда. На третий день наступило ухудшение, на четвертый начались конвульсии и обострение всех симптомов, на пятый день больной умер. Предположительная причина смерти – френит.

Гален, комментируя этот случай, говорит о том, что, по Гиппократу, начало болезни положила большая ошибка, ведь обильное винопитие – величайшее зло *при сильной головной боли* (τὴν ἀρχὴν τῆς νόσου τούτῳ μὲν ἐξ ἁμαρτήματος μεγάλου φησὶ γεγονέναι. πεπονθῦας γὰρ ἰσχυρῶς κεφαλῆς μέγιστόν ἐστι κακὸν οἴνου πόσις δαψιλῆς). С течением времени был поражен головной мозг, о чем свидетельствуют глухота, конвульсии и внезапное помешательство. Так как повреждение произошло от пьянства (просυγενομένης δὲ τῆς ἐν τῷ πότῳ βλάβης), болезнь была настолько тяжелой и развивалась так стремительно, что больной скончался на пятый день (Gal. *Hipp. epid.* XVII/1, 585–587 K.).

Врачи были единодушны в том, что пьянство оказывает вредное воздействие на нервы и на головной мозг, который считался их основанием.²³ Так, Гален утверждал (*Hipp. epid.* XVII/1, 624–625 K. = *CMG* V, 10, 2, 1, 90 Wenkebach), что общим свойством злоупотребления все-

²² Целий Аврелиан придерживается противоположного мнения: *Nullus enim vinolentus bibendo in sobrius venit* (*Celer. pass.* I, 12).

²³ Об открытии нервов см.: Fr. Solmsen. *Greek Philosophy and the Discovery of the Nerves* // *Mus. Helv.* 18 (1961) 150–197.

ми видами вина является то, что оно поражает нервы и рассудок (τό γε μὴν ὡς τὸ πολὺ κοινὸν ἀπάντων οἴνων ἀμετροτέρας πόσεως ἐστίν, ὅτι καὶ τῶν νεύρων ἄπτονται καὶ τῆς γνώμης). Педаний Diosкорид пишет о том, что нервы, подвергаемые каждый день нагрузке, ослабевают (*De materia medica* V, 6, 13 Wellmann). Целий Аврелиан (*Tard. pass.* V, 51) подтверждает, что винопитие причиняет вред нервам (*cum vinolentia nervos amputet*).

Расстройство нервной системы вследствие пьянства проявляется, по Галену, в виде судорог (конвульсий), дрожи и бреда. В этом отношении интересен комментарий Галена к эпизоду из “Эпидемий” Гиппократов (Hipp. *Epid.* III, 2, 8; III, 56 L.), где речь идет о двадцатилетнем молодом человеке, который был охвачен сильной лихорадкой в результате усталости, тяжелого труда и бега с непривычки (ἐκ κόπων καὶ πόνων καὶ δρόμων παρὰ τὸ ἔθος). Болезнь юноши быстро развивалась: на второй день наступило расстройство сознания и бессонница, на третий день тягостное состояние, жажда, тошнота, сильное беспокойство, тоска, галлюцинации, конечности у него были синие и холодные, на седьмой день он умер. Гален обсуждает предложенное его предшественниками исправление слова κόπων на πότων. Он считает эту конъектуру неубедительной как с филологической точки зрения (потому что κόπων и πόνων не вполне синонимичны), так и по существу: ведь Гиппократ ничего не говорит о полученном юношей вреде от вина, о том тройном нарушении, которое происходит от нервов, поврежденных пьянством: судороги, дрожь, лихорадочный бред (*Gal. Hipp. epid.* XVII/1, 624–625 K. = *CMG* V, 10, 2, 1, 90 Wenkebach).

Конвульсия, по объяснению Галена, происходит, между прочим, от наполнения нервов вином, горячим по своей природе (*Gal. Hipp. aph.* XVII/2, 787–788 K.). Гален говорит о губительных последствиях раздражения пьянством нервов и головного мозга в своем комментарии к описанию одного из случаев френита в третьей книге “Эпидемий” Гиппократов. Юноша в Мелибее, *разгоряченный в течение долгого времени выпивками и сексуальными излишествами*, слег (ἐκ ποτῶν καὶ ἀφροδισίων πολλῶν πουλὸν χρόνον θερμανθεὶς κατεκλίθη); его знобило, тошнило, он не спал и ничего не пил; на десятый день появились галлюцинации, на двадцатый он впал в безумие и через четыре дня умер от френита (Hipp. *Epid.* III, 3, 17 [16]; III, 146 L.). По словам Галена, этот юноша, накопив в себе пагубный преизбыток (μοχθηρὸν οὖν ἀθροίσας πλῆθος), начал с умеренной горячки, а кончил острым френитом (*Gal. Hipp. epid.* XVII/1, 791 K.). Гален считает, что вино может вызвать конвульсии и бред у тех, кто испытывает голод в результате

длительного голодания, поноса, кровотечений или других опорожнений, и поэтому им противопоказано (*Hipp. aph.* XVII/2, 498 К.).²⁴ По словам Целия Аврелиана (*Celer. pass.* I, 33), Асклепиад называл пьянство (наряду с продолжительной бессонницей и солнечным ударом) одной из причин френита.

Гиппократ в одном случае установил задним числом, уже после смерти больного, что причиной болезни была неумеренная выпивка. В четвертой книге “Эпидемий” (*Hipp. Epid.* IV, 1, 15; V, 152 L.) описан двадцатилетний юноша, которой был охвачен безумием и страдал жгучей лихорадкой (πυρετὸς περικαής). Состояние больного характеризовалось галлюцинациями: он вскакивал, сражался с воображаемым противником, сильно сквернословил, хотя это не было в его привычках (οὗτος παρέκρουσεν... τρόπον τὸν ἀκόλαστον, ἀνίστασθαι, μάχεσθαι, αἰσχρομυθεῖν ἰσχυρῶς, οὐ τοιοῦτος ἐὼν). Наконец он заснул продолжительным сном. Потом больного снова охватило безумие, и на 11-й день он умер. Гиппократ дает свое заключение (*ibid.*, IV, 15; V, 154 L.)²⁵: “Причина была, как я думаю, в том, что он, перед тем как впал в безумие, крепко выпил несмешанного вина (προφάσιος, οἶμα, πιεῖν ἄκρητον

²⁴ Это мнение Гален высказывает, комментируя не самый очевидный афоризм Гиппократа: “опьянение утоляет голод” (λιπὸν θώρηξις λύει, *Hipp. Aph.* II, 21; Littré IV, 476, 5). Гален поясняет, что вино помогает утолить голод только тем, кто страдает “волчьим аппетитом”. Древние комментаторы этого афоризма расходились во мнении относительно точного значения слова θώρηξις. Гален пишет, что Гиппократ обычно называл словом θώρηξις питье вина (θώρηξιν οἴνου πόσιν αὐτὸς εἶθεν ὀνομάζειν (*Gal. Hipp. aph.* XVII/2, 498–499 К.). В “Словаре” Галена слово, однако, утрачивает свою нейтральность: θώρηξις: οἴνωσις, ἤτοι μέθη (*Gal. Gloss.* XIX, 105 К.). Лев Медик по поводу того же афоризма об опьянении поясняет, что выражение с буквальным значением “принимать на грудь, вооружаться” использовалось в отношении человека, наполненного вином, а Гиппократ обозначал им перепой (τὸν οἴνου ἐμπιπλάμενον θωρήξασθαι ἔλεγον, ὡς καὶ Ἴπποκράτης θώρηξιν τὴν πολυποσίαν λέγων, *Leo Med. De nat. hom. syn.* 57 = *CMG* X, 4, 44–45 *Rehnan*). Того же мнения придерживался и Стефан, поясняя, что тот, кто хотел получше вооружиться, прибегал к несмешанному вину (ἄκρατοποσίᾳ χρώμενος, *Steph. Hipp. aph.* II, 21 = *CMG* XI, 1, 3, 1, 182, 36 *Westerink*).

²⁵ Уже со времен Гомера опьянение было принято сравнивать с умопомешательством и называть Диониса неистовствующим (μαίνόμενος, *Il.* VI. 132; *Nonn. Dionys.* XXXII, 114; *Philo, De plant.* 148). Филон называет крепкое вино ядом, который несет если не смерть, то безумие (*De plant.* 147). Сенека прямо говорит о том, что опьянение – не что иное как добровольное безумие (*Nihil aliud esse ebrietatem quam voluntariam insaniam, Ep.* LXXXIII, 18). Плиний пишет о вине: ...quod hominis mentem mutet et furorem gignat (*NH* XIV, 137). Того же мнения придерживается и Целий Аврелиан: cum ex vinolentia furor atque insania generetur (*Cael. Aur. Tard. pass.* I, 175).

συχνὸν πρὶν ἐκμανῆναι)”. Пользуясь современной терминологией, состояние юноши можно квалифицировать как острый алкогольный психоз с летальным исходом.²⁶

При лечении последствий злоупотребления алкоголем учитывались различные обстоятельства. Гален (*Hipp. epid.* XVII/1, 624–625 К. = *CMG* 10, 2, 1, 90 Wenkebach) советовал учитывать количество выпитого за день и качество напитка, так как вино разбавленное и крепкое, холодное и теплое, старое и молодое, густое и не слишком, белое и красное, с запахом и без него неодинаково воздействует на организм и приводит человека в разные состояния. Небезразлична и продолжительность выпивки. И, наконец, едва ли не самым существенным было то, пьет ли человек постоянно или от случая к случаю (ἐξ ἔθου ἢ παρὰ τὸ ἔθος).

Педаний Диоскорид прямо писал о вреде привычного пьянства (*De materia medica* V, 6, 13 Wellmann):

μέθη δὲ πᾶσα, καὶ μάλιστα ἡ συνεχῆς, ἐπιβλαβής· τὰ τε γὰρ νεῦρα πολιορκούμενα καθ' ἑκάστην ἡμέραν ἐνδίδωσι, καὶ παθῶν ὀξέων ἀρχὰς ἐμποιεῖ ἢ καθημερινὴ πολυποσία· μετρίως δὲ οἰνοῦσθαι διὰ τινῶν ἡμερῶν, καὶ μάλιστα ἀπὸ ὑδροποσίας, ὠφέλιμον.

Закоренелый пьяница может быть чеканно охарактеризован как “тот, кто <пьет> всегда и сильно” (ὅστις αἰεὶ καὶ σφόδρα: *Schol. II.* XXI, 390 a; ср. *Schol. II.* V, 830–831). Целий Аврелиан так и называет привычных пьяниц *consuetudine vinolentos* (*Celer. pass.* I, 100) и считает их пустыми людьми, которые проводят жизнь без какого-либо физического упражнения (*vacuos homines, hoc est sine aliquo exercitio vitam ducentes, et vinolentos, Tard. pass.* I, 51).

Пятый эпизод третьей книги “Эпидемий” Гиппократов содержит описание признаков, совокупность которых с начала XIX в. в медицине называют *delirium tremens* (*Hipp. Epid.* III, 2, 5; III, 46, 48 L.):

Χαρίωνα... ἐκ ποτοῦ πῦρ ἔλαβεν· αὐτίκα δὲ κεφαλῆς βάρος ἐπώδυνον, οὐκ ἐκοιμάτο... τρίτη, πυρετὸς ὀξύς· κεφαλῆς τρόμος, μάλιστα δὲ χεῖλος τοῦ κάτω μετ' ὀλίγον δὲ, ῥίγος, σπασμοί· πάντα παρέκρουσεν, νύκτα δυσφώρας.

Хэриона... от выпивки охватил жар. Тотчас появилась сильная боль в голове, он не мог спать... на третий день острая лихорадка, тряссе-

²⁶ Менее трагично, но все же тяжелой травмой закончилась первая дегустация вина для киклопа. Если верить Еврипиду, его тоже одолели галлюцинации, но более приятного свойства: ему привиделись чарующие его Хариты, трон Зевса и весь сонм богов (*Eur. Cycl.* 577–584).

ние головы и особенно нижней губы, а вскоре (последовали) дрожь, конвульсии, (больной) бредил, ночь была беспокойной.

На 20-й день наступил кризис и больной выздоровел.

В течение острого периода болезни испражнения были полны желчи, что также является признаком белой горячки. Гален диагностировал у пациента разлитие желчи, полностью проигнорировав алкогольную основу этой болезни (*Hipp. epid.* XVII, 1, 588–589 К.). Гиппократ, кажется, теснее связывает ее с пьянством: и жар начался после выпивки, и тотчас после нее стали появляться новые тревожные симптомы.

Кассий Феликс (врач V в. н. э.) дал описание симптомов болезни, вызванной перегревом или пьянством (*ex vinolentia*), которую он определил как френит – умопомрачение, сопровождающееся лихорадкой и “обираанием” одежды (*De medicina* LXII; 171, 172 Fraisse):

Sequitur autem aegrotos febris acuta, rubor vultus, multa mobilitas oculorum cum tensione... insomnietas, pulsus parvitas... mentis alienatio et crocydismos id est flocorum electio, si quidem digitis frequenter ipsi patientes operimenta attractare videantur. Aliquando e parietibus stipulas legunt, quod Graeci carfologian appellant. Et aliquando <cum> hilaritate frenetizant, aliquando vero cum tristitia.

По общему мнению, привычное пьянство (αἱ μέθαι) было чревато опасными последствиями. Единственной едой многих пьяниц (οἰνόφλυγες) было несмешанное вино (πολλοῖς δ' ἤδη χρωμένους μόνον ἀκράτῳ τροφῆς χάριν, [Arist.] *Probl.* III, 5, 871 a; 26, 874 b).²⁷ Пьянчужки (οἱ φίλοινοι) очень рано стареют, многие из них преждевременно лысеют и не по возрасту рано седеют (Plut. *Quaest. conv.* 652 F), им грозит полное расслабление (*ibid.*, 652 D). Тех, кто постоянно угнетен хмелем или несварением, преследуют ночные кошмары (*incubo afficit crapula vel indigestione iugis vexatos*, Cael. Aur. *Tard. pass.* I, 41) и обмороки (*scotomatica passio*, I, 51). Упорствующие в пьянстве усиливают обильной выпивкой помрачение сознания, что приводит или к судороге, или к неизлечимой бессоннице (Cael. Aur. *Celer. pass.* I, 151):

qui perseverando potaverunt, multo poto multum mentis alienationem auxerunt aut in spasmus aut in vigiliis incurabiles devenerunt.

²⁷ О том, что было много любителей несмешанного вина, см. также: Aristoph. *Eq.* 85. 105; AG VII, 104. 106. 329. 353. 454. 457; Clearchus, *CAF* II, 419; Athen. XIV, 613 a etc.

Александр Афродисийский объясняет, что многие пьяницы умирают, когда большое количество вина (τὸ πλῆθος τοῦ οἴνου) подавляет и гасит естественную живую силу и тепло. Более всего подвержены этому те люди, у кого мало врожденного тепла и оно слабое (*Probl.* 1, 18).

Приведенные примеры – лишь малая часть из того большого материала, который рассеян по самым разным произведениям античной литературы. Но и этих примеров, кажется, достаточно, чтобы убедиться в том, что в античности, как, впрочем, и в новое время, трезвый образ жизни считался предпочтительнее пьянства. Хотя античные врачи не смогли распознать в алкоголизме самостоятельной болезни, они хорошо понимали, что невоздержанность в винопитии губительно влияет на здоровье и может стать одной из причин тяжелых болезней.²⁸

Е. Ю. Басаргина

Санкт-Петербургский филиал

Института истории естествознания и техники РАН

Der Begriff “Alkoholismus” wurde zum ersten Mal im Jahre 1848 von dem schwedischen Arzt M. Huss benutzt, und zwar in dessen Monographie “Alkoholismus chronicus”, in welcher Alkoholismus als eine selbständige Krankheit beschrieben wird. Obwohl antike Ärzte die Trunkenheit nicht als Krankheit betrachteten und direkte Mitteilungen über Symptomatik der Alkoholabhängigkeit bei ihnen fehlen, gibt es in der antiken Literatur einige Hinweise darauf, dass man von der Existenz des Problems wusste. Jedoch wurde dieses Thema in der wissenschaftlichen Literatur bis jetzt nicht ausführlich betrachtet. Im Aufsatz wird vor allem der medizinische Aspekt des Problems behandelt und eine Materialsammlung zum Thema “Antike Ärzte über Alkoholismus” zusammengestellt. In der entsprechenden antiken Literatur wurden meist die negativen Eigenschaften des Weines beschrieben.

²⁸ С точки зрения морали на пьянство в античном обществе также смотрели как на порок. Если хотели плохо отозваться о противнике или т. п., то его обвиняли в пьянстве. Античные авторы составили даже списки знаменитых пьяниц (Athen. X, 436 d; Aelian. *VH* II, 41; III, 13–15. 23).